

В ответ на это Ван Янь лишь молчал.

Лицо Вана Яня мгновенно помрачнело.

— Ох-ох, зачем ты его злишь?

— Да так, решила немного подразнить.

— ...

— Дразнить других так весело!

— ...

— Я думал, ты хоть немного сообразительнее, а ты всё такой же невыносимый. Стой здесь на коленях и не смей уходить без моего приказа.

Хуай Юэ и Чэнь Чжоу попытались заступиться:

— Но, Ваше Величество, молодой господин только оправился от тяжелой болезни, это...

— Замолчите.

Увидев, что Ван Янь пришел в ярость, Хуай Юэ поспешно прикусила язык.

Чу Янь опустил голову, выказывая полную покорность:

— Слушаюсь.

Ван Янь холодно усмехнулся. Видя, что тот ничуть не раскаивается, он поднялся и вместе с Хуай Юэ покинул это место.

Снаружи веяло ледяным холодом. Ван Янь смотрел на красные сливы, и внезапно его охватило раздражение.

— Позовите людей, пусть срубят эти деревья.

Хуай Юэ удивилась:

— Но разве Ваше Величество не больше всего любите красные сливы?

Ван Янь понизил голос:

— Он ради какого-то Цзи Чжиюня посмел так мне перечить...

Хуай Юэ не расслышала слов и в недоумении уставилась на Вана Яня. Хотя она не разобрала, что именно он сказал, но отчетливо уловила тон, словно кто-то опрокинул чан с уксусом.

И, кажется, сам Ван Янь этого не осознавал.

Ван Янь бросил на неё холодный взгляд:

— Я сказал срубить эти деревья. Видеть их тошно.

— Слушаюсь.

Ван Янь отвел взгляд и зашагал прочь.

В том сне Цзи Чжиюнь стоял высоко на ступенях под сливовым деревом и холодно смотрел, как он лежит в снегу, весь в крови. Кровь, брызнувшая на снег, была точь-в-точь как эти красные цветы.

Так больно...

Он словно сам переживал ту боль.

Ван Янь хотел, чтобы Чу Янь попросил его о помощи. Стоило тому обмолвиться хоть словом, и он бы тут же приказал схватить Цзи Чжиюня.

Всего лишь ничтожный муравей, не стоило тратить на него столько сил.

Но сегодняшнее упрямство Чу Яня до крайности его раздражало.

Ван Янь внезапно остановился:

— ...Отнесите молодому господину горячего супа.

Глаза Хуай Юэ загорелись:

— Слушаюсь.

— И не говорите, что это от меня.

В главном зале остались только Чу Янь и человек в плаще.

В тишине дворца Чу Янь посмотрел на него:

— Ты хочешь мне что-то сказать?

— О? С чего ты взял?

— Разве ты не должен сейчас уйти? — Чу Янь пристально следил за ним.

Человек в плаще рассмеялся:

— Верно, я совсем забыл.

Он сделал несколько шагов к ступеням и, поравнявшись с Чу Янем, приподнял цепь из холодного железа на его шее, прошептав:

— Какая жалость. Словно собака на привязи: когда Ван Янь в духе — погладит, а когда не в духе — бросит в ледяную стужу.

— ...Откуда ты знаешь, что произошло на днях?

Человек в плаще усмехнулся:

— У меня свои способы.

Чу Янь отвел взгляд, его лицо исказилось от унижения. Уголки его глаз покраснели, он изо всех сил сдерживал слезы, боясь, что они прольются на глазах у чужака.

Вид, в котором он пребывал, заставил человека в плаще на мгновение замереть.

Чу Янь был похож на него лицом, но характер был совсем иным.

И это... не вызывало у него отвращения.

— Цзи Чжиюнь действительно собирается в государство Янь. Что ты намерен делать?

— ...Что ты хочешь этим сказать?

— Цзи Чжиюнь так с тобой поступил, неужели ты его не ненавидишь?

Дыхание Чу Яня сбилось. Он протянул руку, желая сорвать плащ и узнать, кто перед ним.

Человек в плаще быстро отстранился и тихо рассмеялся:

— Сейчас тебе нельзя знать.

В глазах Чу Яня читалось сомнение.

Человек в плаще добавил:

— Я знаю, что с тобой происходит. Думаю, мы еще не раз увидимся.

Сказав это, он ушел.

Чу Янь остался один. Сердце сжималось от боли, дыхание было неровным.

В голове крутилась лишь одна мысль: Цзи Чжиюнь едет в Янь.

Он не оставит его в покое, отнимет даже последнюю надежду на жизнь.

Чу Яня снова начали мучить кошмары, и по иронии судьбы он втянул в них Вана Яня.

На этот раз сон казался не таким свирепым, и метель была не такой уж сильной.

В редкий погожий день Ван Янь обнаружил себя стоящим в Дворе Слив с кувшином подогретого вина.

Вокруг валялись пустые бутылки, даже красные лепестки, казалось, пропитались винным ароматом. Кто-то пьяный полулежал под сливовым деревом, вино пролилось на воротник и рукава.

— Учитель, не пейте больше.

— Ли... Ли-эр?

При звуке этого имени Ван Янь почувствовал острую, пронзающую боль в груди. Но он не мог контролировать свое тело и подошел ближе, протягивая кувшин:

— Это Цю Е подогрела для вас. Она просила передать, что если вам так хочется пить, то лучше в зимнюю стужу пить горячее вино, оно не так вредит телу.

Он поставил бутылку и хотел уйти, но Цзи Чжиюнь внезапно схватил его за запястье и рывком притянул к себе.

Ван Янь едва не позеленел от ярости, мысленно повторяя: дерзость!

Как он смеет так с ним обращаться! Это высшая степень неуважения!

Этот муравей — покойник!

Но тут Цзи Чжиюнь сделал глоток горячего вина и припал губами к его губам.

Ван Янь почувствовал вкус вина.

Внутри него все клокотало от ярости, он готов был убить наглеца на месте.

— Ли-эр, вино вкусное?

Ван Янь закашлялся — он поперхнулся, и его бледные щеки вспыхнули ярким румянцем.

Цзи Чжиюнь смотрел на него с обожанием, словно собираясь поцеловать снова.

Ван Янь был в отчаянии: он по-прежнему не мог управлять этим телом и был вынужден лишь беспомощно наблюдать!

К счастью, в конце концов он оттолкнул Цзи Чжиюня:

— Учитель прекрасно знает, что я не пью!

— Не умеешь — научишься.

Он прикусил губу:

— Учитель...

Тот поддразнил его:

— Ты такой нежный, будто я вырастил дочь.

Ван Янь от злости перекосило. Если прошлый сон был лишь сопереживанием Чу Яню, то этот вызвал у него желание разорвать Цзи Чжиюнь на куски.

Унижение! Величайшее унижение!

Тот, кто посмел так с ним говорить, не дожил бы до следующего утра.

Он помнит, что Цзи Чжиюнь едет в Янь?

Ван Янь прищурился, затаив злобу: прекрасно, если Цзи Чжиюнь посмеет явиться сюда, он заплатит сполна!

— Учитель, не надо меня разыгрывать.

Цзи Чжиюнь перебирал его черные волосы:

— Если нарядить тебя в женское платье, разве ты не станешь первой красавицей?

Слова становились всё более дерзкими, и Ван Янь больше не мог терпеть:

— Наглец!

Произнеся это, он сам замер.

Собеседник, очевидно, тоже был ошеломлен. Ван Янь почувствовал, что это Чу Янь высказал то, что было у него на душе.

И Ван Янь внезапно осознал: если раньше он был лишь сторонним наблюдателем, то после этих слов контроль над телом начал возвращаться к нему.

Он пошевелил рукой и почувствовал радость.

Затем Ван Янь выпрямился и с пугающим выражением лица произнес:

— Последний, кто посмел проявить ко мне такое неуважение, уже лишился головы.

— ...Ли-эр?

В отличие от того изящного и слабого облика, стоило Вану Яню взять контроль в свои руки, как аура мгновенно изменилась.

— Это имя не для твоих уст, — Ван Янь схватил Цзи Чжиюня за воротник, его улыбка отдавала привкусом крови. — Я буду ждать тебя в городе Тяньсуй. Приходи, если посмеешь!

Туман рассеялся, и Ван Янь проснулся в своей постели.

Он помрачнел и позвал Хуай Юэ, чтобы та приготовила инвалидное кресло.

Нога снова разболелась, настроение было отвратительным.

— Где Ли-эр?

— Молодой господин Ли всё еще стоит на коленях...

— Вези меня туда.

Хуай Юэ кивнула и повезла Вана Яня в главный зал. На улице уже стемнело, и Ван Янь подумал, что проспал слишком долго.

Нога болела нестерпимо, напоминая, кто именно сделал его калекой.

Настроение стало еще хуже из-за того сна.

Прибыв в зал, он обнаружил, что Чу Янь упал в обморок. Ван Янь хотел подойти и поднять его, но ноги не слушались.

— Луань.

Из тени появился человек в черном и опустился на колени:

— Слушаю, господин.

— Подними молодого господина Ли и принеси сюда.

Луань был удивлен — он думал, что раз его вызвали, то случилось что-то важное, а не такой пустяк. Но он послушно поднял Чу Яня. Ван Янь смотрел на растрепанные волосы Чу Яня, и в памяти всплыли слова Цзи Чжиюня из сна:

Если нарядить тебя в женское платье, разве ты не станешь первой красавицей?

В глазах Вана Яня мелькнул странный огонек, и он, сам не зная почему, приказал:

— Приготовьте женское платье.

— Ваше Величество? — Хуай Юэ посмотрела на него с сомнением. Ван Янь сам удивился своим словам.

В глубине его глаз бушевала тьма: недавние сны были слишком странными, и они косвенно меняли его самого.

Нога болела всё сильнее, Ван Янь нахмурился, глядя на Чу Яня в руках Луаня.

Тот по-прежнему крепко сжимал веки, выглядя таким хрупким, что невольно вызывал жалость.

Но ведь именно он виноват в его увечье! Почему он чувствует к нему жалость?

Ван Янь убеждал себя: это всё проклятый Цзи Чжиюнь.

Проявить каплю сострадания — не преступление.

— Возвращаемся в спальню, позовите лекаря.

Хуай Юэ поспешила в аптеку. Этот город Тяньсуй и в подметки не годился столице государства Янь, даже лекари здесь были никудышные.

Когда Ван Янь вернулся в покои, тепло сразу согрело его тело. Боль в ноге немного утихла, но не прошла совсем.

Чу Янь всё еще спал. Ван Янь приказал Луаню уйти, и они остались вдвоем.

Во сне Чу Янь был похож на ленивый, нераскрывшийся лотос, от него веяло нежностью. Ван Янь вспомнил шрамы на теле Чу Яня, и его подозрения усилились.

Но шпионы еще не вернулись, пока всё это — лишь догадки.

Не дожидаясь лекаря, Чу Янь очнулся от затянувшегося кошмара.

Открыв глаза, он увидел Вана Яня:

— Старший брат?

— Весь день стоял на коленях и даже не попросил о пощаде.

Хотя слова звучали как упрек, в них сквозила скрытая ласка.

Чу Янь был удивлен. Встретившись с ним взглядом, он заметил, что холод в черных глазах Вана Яня немного отступил. Когда он смотрел на кого-то с таким вниманием, его взгляд напоминал ночное звездное небо, готовое поглотить человека.

— У брата снова разболелась нога?

— ...Да. — ответ был холодным и равнодушным.

Чу Янь приподнялся и похлопал по краю кровати:

— Брат не хочет прилечь? Разве сидеть так не тяжело?

— Ты приглашаешь меня... разделить с тобой ложе?

Чу Янь только сейчас понял, что сделал, и густо покраснел:

— Нет, я...

— Я разрешаю. — Ван Янь поджал тонкие губы, выглядя так, будто его только что приласкали.

Чу Янь: «...»

— Он, кажется, очень доволен?

— ...Ты сама видишь, он просто в восторге.

— ...

Ван Янь в последнее время плохо спал из-за кошмаров. Разделить ложе с Чу Янем не входило в его планы. В конце концов... это его враг, а к врагам он никогда не знал жалости.

Ван Янь смотрел на Чу Яня, не понимая, почему постоянно делает исключения.

Может, всё дело в снах?

Во сне он разделял чувства Чу Яня.

Он начал испытывать к нему собственническое чувство, и сны лишь подпитывали эту иллюзию.

— Спи.

Чу Янь мягко и послушно произнес:

— Раз у брата болит нога, я хочу ее размять.

Ван Янь изменился в лице и крайне опасно спросил:

— Размять?

Чу Янь в замешательстве:

— Да?

Ван Янь чувствовал невероятное раздражение, особенно вспоминая, как Чу Янь был нежен и покладист с Цзи Чжиюнем, даже когда тот насильно поил его вином.

Ван Янь нахмурился:

— Где ты набрался таких лисьих уловок? Слишком долго был заложником в государстве Чжоу и

забыл, кто ты такой? Больше не смей говорить такое другим мужчинам, понял?

— ...Понял. — всего лишь размять ногу, стоило ли так подчеркивать?

Увидев, что тот послушно замолчал, Ван Янь приподнял подол одежды, обнажая ногу:

— Мни.

Чу Янь: «...» Да у этого типа точно с головой не в порядке!

У Чу Яня зачесались руки. В конце концов, Цзи Чжиянь скоро прибудет в Тяньсюй.

Как только тот явится, задание по захвату начнется официально.

А до тех пор он может вести себя как хочет.

Этого Вана Яня он непременно должен приручить!

Чу Янь осторожно положил руки на ногу Вана Яня и начал медленно разминать ее.

В тусклом свете лампы Ван Янь наблюдал, как он, опустив глаза, массирует его рану. Похоже, он не привык к такому — щеки Чу Яня постоянно пылали. Его руки двигались нежно, вызывая зуд, который перекидывался с ноги прямо на сердце.

Красавец, подобный нефриту. Цепи, из-за наклона тела, упали вперед.

Ван Янь не испытывал отвращения к такому Чу Яню.

Мягкий, слабый, словно беззащитный кролик.

Чу Янь робко спросил:

— Брат, так лучше?

— ...Да. — дыхание Вана Яня сбилось, грудь переполнилась тяжелым воздухом, и, казалось, даже внизу всё начало отзываться на прикосновения Чу Яня.

Он был уверен, что Чу Янь намеренно его соблазняет.

Если бы Чу Янь знал, что сейчас творится в голове Вана Яня, он бы обязательно дерзко ответил: да-да, именно так я и делаю.

— Продолжай.

— Слушаюсь.

Чу Янь продолжал массировать, а дыхание Вана Яня становилось всё более неровным.

Он думал: как могут быть у человека такие мягкие руки? Сила нажатия была идеальной,

пробуждая его желание.

Ему страстно захотелось использовать эти руки для чего-то другого.

Ван Янь чувствовал, что вот-вот сорвется, но тут движения Чу Яня прекратились.

— Почему остановился?

— Брат, я немного устал. — Чу Янь опустил глаза, скрывая хитрый расчет. — Брат, может, и ты разомнешь мне ногу? Пожалуйста?

Назвать разминание так, будто речь идет о чем-то непристойном — пожалуй, на такое способен только Чу Янь.

Ван Янь знал, что всё понял превратно, но не смог устоять перед искушением.

— Хорошо.

— Ключнул! Хе-хе!

— ...Не дразни его!

— Дразнить так весело!

— Ты заставила Вана Яня массировать тебе ногу, как тут не радоваться?

— Хе-хе, ты меня понимаешь! Пусть смотрит, но не трогает!

— ...Мне вдруг стало жаль Вана Яня.

Ни о чем не подозревающий Ван Янь, считая, что он взял верх, начал массировать ногу Чу Яня.

Его сила была куда больше, чем у Чу Яня. Стоило ему прикоснуться, как Чу Янь издал тихий стон:

— М-м...

Этот звук был невероятно соблазнительным, а когда Чу Янь понял, что издал его, он попытался подавить стон, но лишь сильнее покраснел, став похожим на цветок персика.

— Что такое?

— Кисло... и больно.

— Тогда кричи, чтобы я знал, где болит, и когда придет лекарь, смог ему объяснить. Ты стоял на коленях два дня, кто знает, что с твоими ногами.

Чу Янь молчал, но когда Ван Янь нажал на больное место, он не сдержался:

— Брат... не надо там, правда очень больно.

Глаза наполнились слезами, затуманились, словно горы в утренней дымке.

Ван Янь остолбенел. Он перестал массировать ногу и, воспользовавшись моментом, поддел его подбородок:

— И правда так больно?

— Больно.

Ван Янь усмехнулся:

— Такой неженка, совсем как девица.

Чу Янь обиделся и, капризно надувшись, встал.

Ван Янь, прикрыв губы рукавом, тихо улыбнулся. Говорят, любоваться красавцем при свете лампы — редкое наслаждение. Раньше Чу Янь не верил, но теперь, глядя на эту картину, он понял смысл этих слов.

Одежда Вана Яня была растрепана, нефритовая заколка соскользнула с волос. Он не был похож на Янь Ли, в нем была иная, смертоносная красота. Когда он не улыбался, воздух вокруг него леденел, но стоило ему улыбнуться, как на душе становилось тепло.

Тусклый свет падал на его профиль, делая его похожим на божество.

— Пару слов — и уже уходишь? Разве не неженка, как девица?

Чу Янь пришел в себя и поспешно сказал:

— Раз брат так думает, ничего не поделаешь. Я пойду.

Глядя на уходящего Чу Яня, Ван Янь пробормотал:

— Я... хотел бы растить тебя как девицу.

Запереть в глубине покоев, спрятать в своих объятиях.

Он мгновенно опомнился, не понимая, откуда взялись такие мысли.

Ведь этот человек — его враг, он сам лично надел на него цепь из холодного железа, чтобы тот сполна вкусил унижения, через которое прошел он сам.

Ван Янь потер лоб. В конце концов, Чу Янь разжег в нем желание.

Он сжал то самое место носовым платком, взгляд стал еще тяжелее.

Изнутри донеслось тяжелое дыхание. Чу Янь, уже отошедший на некоторое расстояние, услышал это.

Он остановился и выругался:

— Извращенец!

Неужели нельзя было подождать, пока я уйду? Такая спешка? Боялся, что я не услышу?

Чу Янь глубоко вздохнул, позволяя прохладному воздуху наполнить легкие, и почувствовал себя немного лучше.

Случайно он заметил, как дворцовые слуги рубят сливовые деревья, и направился к ним:

— Что вы делаете?

— Приветствуем молодого господина! — все остановились и упали на колени.

Чу Янь спросил снова:

— Что вы делаете?

— Великий ван приказал нам срубить здесь все красные сливы.

Чу Янь удивился:

— Разве брат не любит красные сливы? Почему он решил их все срубить?

Он помнил, что у целебного источника, где он принимал ванну, в вазах стояло множество веток красной сливы.

<http://bllate.org/book/22166/2309068>